Сергиенко Е.А. Принципы психологии развития: современный взгляд

-

English version: Sergienko E.A. The principles of developmental psychology: contemporary view
Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия

Сведения об авторе
Литература
Ссылка для цитирования

Рассматриваются методологические принципы непрерывности (континуальности), антиципации развития и субъектности, имеющие большое значение для психологии развития. Принцип непрерывности (континуальности) психического развития означает взаимосвязанность всех этапов развития человека, их эволюционную подготовленность, связь фило- и онтогенеза, саморазвитие системной организации психики, генетико-средовые координаты психических изменений. Принцип антиципации тесно связан с принципом непрерывности психического развития и предполагает необходимую подготовленность последующих стадий развития предыдущими. Антиципация рассматривается как имманентное свойство всех психических процессов в их развитии. Принцип субъектности – авторства собственного развития, неопределенности и уникальности путей развития психики становится ключевым для нового понимания принципа детерминизма. Представлено обоснование и аргументация обсуждаемых принципов психологии развития.

Ключевые слова: принцип непрерывности, принцип субъектности, принцип антиципации, психология развития

В настоящей статье обсуждаются некоторые принципы психологии развития в контексте современного этапа развития психологии. Автор отдает себе отчет в дискуссионности многих моментов данной работы и надеется на активное их обсуждение.

Принцип – (от лат. principium – начало, основа) – основное исходное положение какой-либо теории, учения, науки, мировоззрения. Принцип в самом общем виде есть центральное понятие, основание системы, представляющее обобщение и распространение какого-либо положения на все явления той области, из которой данный принцип абстрагирован. В современной литературе наряду с общим толкованием принципа используется термин «объяснительные принципы психологии». Принципы объяснения – это основополагающие положения, предпосылки или концепции, применение которых позволяет содержательно описывать предполагаемые свойства и характеристики объекта исследования и на основании общенаучного метода строить процедуры для получения эмпирического материала, его обобщения и интерпретации.

Т.В.Корнилова и С.Д.Смирнов определяют методологические принципы как наиболее общие построения психологических объяснений [Корнилова, Смирнов, 2011].
Как справедливо указывают Т.В.Корнилова и С.Д.Смирнов [Корнилова, Смирнов, 2011], на современном постнеклассическом этапе развития психологии признание полипарадигмальности тесно связано с разработкой положения об открытости системы методологических принципов. В их работе подробно рассматривается принцип активности, системности, развития и неопределенности в современном методологическом контексте.

В нашей работе хотелось бы обсудить несколько принципов, важнейших для психологии развития, а в общем – для психологической науки, поскольку психология развития – это не столько самостоятельная отрасль психологии, сколько способ изучения психических явлений в их развитии как важнейший и необходимый подход к пониманию природы психического. Методологические принципы психологии носят общенаучный характер, но их конкретизация для областей науки необходима, поскольку объяснительные принципы в психологии развития имеют не только общенаучный характер, но и обладают своей специфической объяснительной силой.

Большое значение для психологии развития, на наш взгляд, имеют принципы непрерывности (континуальности), антиципации развития и субъектности.

Принцип непрерывности (континуальности) психического развития означает взаимосвязанность всех этапов развития человека, их эволюционную подготовленность, связь фило- и онтогенеза, саморазвитие системной организации психики, генетико-средовые координаты психических изменений.

Принцип антиципации тесно связан с принципом непрерывности психического развития и предполагает необходимую подготовленность последующих стадий развития предыдущими. Более того, протекание психических процессов как на микро-, так и на макроуровнях всегда включает предвидение, антиципацию, предвосхищение.

Принцип субъектности тесно связан с принципом неопределенности, который прекрасно обоснован теоретически и эмпирически в работах Т.В.Корниловой и С.Д.Смирнова и их учеников [Корнилова, Смирнов, 2011; Принцип неопределенности, 2011]. Они обосновывают переход к принципу неопределенности в психологии с необходимостью включения человека как «непрозрачного» Наблюдателя в единый континуум сознания и бытия, который задает неопределенность процесса и результата взаимодействия с миром. При этом принципиальное отличие принципа неопределенности в физике и психологии лежат в открытости человека и сложнейшей взаимосвязанности всех психических систем его организации. Здесь принцип субъектности, авторства собственного развития, неопределенности и уникальности путей развития психики становится ключевым для нового понимания принципа детерминизма.

Открытость методологических принципов предполагает не только введение новых принципов, но и теоретическое и эмпирическое их обоснование. Остановимся подробнее на принципах непрерывности, антиципации и субъектности в психологии развития.

1. Принцип непрерывности

Принцип непрерывности психического развития реализуется в процессе всего онтогенеза человека, непрерывности эволюции живых систем (фило- и онтогенезе), а также на уровне развития отдельно взятой способности. При обсуждении принципа дифференциации-интеграции развития было показано, что данный принцип предполагает и с необходимостью включает принцип непрерывности (континуальности) [Сергиенко, 2011]. Кроме того, при обсуждении принципа дифференциации-интеграции были выделены существенные проблемные моменты, обсуждение которых необходимо для понимания реализации данного принципа. Каким образом происходит дифференциация, существует ли потенциал дифференциации в нерасчлененном целом? Важным проблемным моментом принципа дифференциации является вопрос о том, происходит ли процесс дифференциации дискретными скачками или это цепь непрерывных изменений, приводящих к реорганизации системы?

Именно данные вопросы относятся к необходимости дополнения принципа дифференциации-

интеграции принципом непрерывности. Проблема непрерывности и дискретности решается также в интенсивно развиваемом на западе подходе – теории нелинейных динамических систем, или Dynamic Systems Approach [Thelen, Smith, 1998]. Основой теории динамических систем является то, что поведение, его развитие является результатом функционирования сложных систем, которые включают психологические, биологические и физические компоненты. Развитие видится как появление свойств целостной системы и может быть понято только в терминах сложного взаимодействия ее компонентов.

Не может быть редукции к одному элементу, структуре или причине. Ключевая характеристика динамической системы – самоорганизация, что означает достижение новых состояний через собственное функционирование. При непрерывном изменении в одном или более параметрах новое состояние может появиться спонтанно как функция нелинейных взаимодействий между компонентами системы. Существуют математические уравнения, которые могут лежать в основе моделирования подобного непрерывного перехода от одного состояния системы поведения к другому. Например, *развитие поведения, которое кажется дискретным или неупорядоченным на уровне выполнения, происходит на основе процессов, которые сами по себе непрерывны и упорядочены* (например, становление словаря или первых шагов) и рассматриваются как самоорганизующиеся свойства, типизированные нелинейными динамическими системами [Сергиенко, 2006; 2011].

1.1. Непрерывность в психическом развитии

Как указывал В.Соловьев, развитие подразумевает только те изменения, которые имеют свой корень или источник в самом развивающемся существе, из него самого вытекают и только для своего проявления, для своей полной реализации нуждаются во внешнем воздействии.

Данный тезис предполагает наличие генетической преддиспозиции дифференциации целостного образования, которая реализуется только при коактивации генетико-средовых взаимодействий.

Исследования в области раннего онтогенеза познавательного развития свидетельствуют о наличии корней, или ядерных систем, знаний. Дифференциация, новые гибкие навыки строятся на этих ядерных основаниях. Изучение животных, человеческих младенцев и взрослых дают доказательства существования для пяти ядерных систем [Hauser, Spelke, 2004; Spelke, Kinzler 2007]. Эти системы служат для репрезентации неживых объектов, механизмов их взаимодействий, агентов и их целенаправленных действий, множеств их числовых отношений (уменьшения и увеличения), местоположения в пространстве и закономерности их геометрических отношений. Каждая ядерная система центрирована на установление принципов, которые служат для определения сущностей в данных областях, что позволяет ориентироваться и прогнозировать объектные и субъектные события.

Сложные, специфически культурные человеческие навыки, выполняемые взрослыми, представляются уникальными и развивающимися в позднем социогенезе человека. Однако многие из них опираются на психологические и нейрональные механизмы, прошедшие длительную эволюцию до человека. Они являются общими и для людей и животных, они возникают рано в человеческом развитии. Эти ядерные знания лежат в основе строящихся уникальных человеческих навыков. Без них невозможно научение ни математике, ни игре, ни чтению карт, ни физике, ни человеческим взаимодействиям.

На основе сравнения исследований на животных, младенцах и взрослых были выделены основные характеристики ядерных систем.

1. Ядерные системы специфичны: каждая система функционирует для репрезентации определенного вида сущностей: обобщенный агент, объекты манипуляций, положение в

пространстве и численность.

2. Для каждой системы существует специфичность задач: каждая система использует репрезентации, необходимые для ответов на вопросы о мире – «Кто это?» (распознавание лиц, агентов); «Что делать с этим?» (категоризация объектов, геометрия отношений между ними); «Где я?» (пространственная ориентация) и «Как много здесь объектов или людей?» (численность).

3. Ядерные системы относительно инкапсулированы: каждая использует только определенную информацию.

4. Системы относительно автономны и эксплицитно содержат интенции и цели.
Наделен ли человек как вид (и только он) поведенческими способностями распознавать лица, использовать орудия или выделять число, что относят к чисто человеческим способностям, корни которых лежат в культуре? Например, распознавание лица может быть гомологично у человека и обезьян, если они опираются на одни и те же общие механизмы. В сравнительной когнитивной нейронауке разделяют гомогенные и гомопластические механизмы на основе поведенческих и нейрональных ключей. При распознавании лица нейрональные и поведенческие механизмы, лежащие в основе этой способности, тождественны у человека и обезьян – то есть они гомогенны у человека и обезьян-приматов (далее – просто «приматы») [Gross&Sergent, 1992; Perrett et al., 1984; Rolls, 2000]. Напротив, и нейрональные, и психологические механизмы, лежащие в основе видовых вокализаций, – различны у людей, приматов и певчих птиц. Например, только люди и певчие птицы (в раннем развитии), но не обезьяны, способны к имитации звуков взрослых. Вокальная имитация у людей и певчих птиц имеет общие поведенческие и нейрональные ключи: способность к вокальному научению опосредована определенными нейрональными связями, что не обнаружено у обезьян [Doupe&Kuhl, 1999; Hauser, 1996]. Это классифицируется как гомопластичность так как ее нет у обезьян.

Рассмотрим необходимость принципа непрерывности развития на примере способности к счету как ядерной системы численности.

1.1.1. Система численности

Природа концепта числа кажется такой интуитивно простой и ясной, что представляется, что она есть у многих животных и коренится в раннем развитии человека. Но только человек владеет понятием числа.

Даже тренированные много лет шимпанзе и обучаемые маленькие дети (двух лет) не достигают этого. Что делает природу числового концепта такой трудной? Дети во многих культурах начинают вербальный счет около двух лет, но большинство детей не понимают ни значения числовых слов, ни смысла перечисления до четырех лет. Например, ребенок в 2,5 года при подсчете шести рыбок знает только одно наименование числа – «один» («одна рыбка»). Если спросить другое число – это больше, чем 1. Каждое слово означает «больше 1». Постепенно, шаг за шагом, они узнают 2 и 3, формируют представление, что каждое слово – специальное обозначение числа. В возрасте 5 лет дети знают, что такое число [Lipton, Spelke, 2004]. Обученная шимпанзе Аи в течение 20 лет участвовала в сотнях экспериментов по когнитивным способностям и проходила интенсивный тренинг. Например, ее обучали символам для понятий «два», «красивый» и «карандаш». Аи указывала на картинку двух красных карандашей. Она выучила числа 1 и 2, но не смогла 3, при этом верно различала 2 и 3, но не отличала 3 и 4, то есть не могла применить правило $3 > 2$. У нее не было установки к обучению числам и она никогда не интерпретировала новое число как другую величину. Она всегда путала новый символ в последовательности чисел.

Дети человека постигают счет от 1 до 4 без тренинга и дают верные ответы для всех числовых слов. Шимпанзе Аи не прогрессировала до «9» даже после 20 лет обучения. Это не дефекты обучения, а

механизм понимания числа как дискретного количества, тогда как человеческие дети учатся на основе индукции от ограниченных примеров чисел.

Дети конструируют понятие числа на основе двух систем ядерных знаний: система репрезентации приблизительной величины объектов или событий и системы точного числа объектов или событий в пределах малых величин. Эти системы спонтанно представлены и функциональны и у приматов, и у младенцев, и у взрослых. При предъявлении большого числа объектов на короткое время невозможно точно определить их число без пересчета. Но люди оценивают приблизительно число объектов. Если взрослых просить оценить, например, множество точек, их оценка будет неслучайна, значение оценки числа увеличивается линейно с увеличением численности и вариации оценок, то есть пропорционально численности [Lipton, Spelke, 2004]. Взрослые могут выполнять числовые сравнения разных типов, включая последовательность действий, звуков, вспышек, с такой же эффективностью, что и оценку расположения видимых объектов [Hauser, Spelke, 2004]. Для данной системы также характерна кросс-модальность (сравнение зрительных vs слуховых множеств) и кросс-форматность (пространственные vs темпоральные). Показана также возможность несимволической арифметики с приблизительными числовыми репрезентациями (возможность сравнивать последовательность звуков с пространственным расположением точек, складывать и сравнивать звуковые или зрительные последовательности). Следовательно, взрослые оперируют абстрактными репрезентациями приблизительных числовых величин.

Исследования на животных показали, что крысы, голуби, макаки и другие животные сензитивны к приблизительным большим числам. Различение множеств подчинено числу Вебера 2:3, то есть 8 и 12 различаются так же, как 16 и 24, и лучше различимы, чем 8 и 10. Обнаруженная та же кросс-модальность и разный формат подтверждают абстрактность системы репрезентации больших чисел у животных.

Изучение младенцев показало, что в 6 мес. они успешно различают множества в пропорции 2:1 (4 vs 8, 8 vs 16, 16 vs 32), но неудачны при различении 2:3 (4 vs 6, 8 vs 12, 16 vs 24). В 9 мес. успешно различают численности в пропорции 2:3 [Xu, Spelke, 2000]. В этом исследовании обнаружена возможность кросс-модальность сравнений у младенцев и возможность оперировать большими числами (складывать их).

Ядерная система малых чисел также изучалась у взрослых, младенцев и животных. Когда взрослых просят точно посчитать количество элементов в зрительном пространстве, то время их ответа увеличивается с увеличением численности для всех чисел после 4. С подсчетом элементов от 1 до 3 время ответа было быстрым и равным. В последние 20 лет широкие эксперименты, проведенные на младенцах, показывают, что данная система репрезентации малых чисел является общей и для взрослых и для младенцев. Блестящие исследования К.Винн, показавшие способность младенцев 5 мес. к сложению и вычитанию в пределах малых чисел (в пределах 3), были воспроизведены и подтверждены другими методами исследований [Feigenson et al., 2004]. Для данной системы малых чисел характерно кросс-модальное сравнение (зрительные и слуховые стимулы). Для этой системы не наблюдается число Вебера при сравнении малых чисел.

Эксперименты на резус-макаках, домашних собаках показали, что они могут складывать и вычитать количество дискретных объектов. Следовательно, вторая система репрезентации малых чисел имеет эволюционную основу.

Проходит длительный период в онтогенезе ребенка, прежде чем он обучается связывать обе системы и символически выражать их. Таким образом, преимущество человека в развитии системы оценки количества состоит в том, что дети конструируют природные числовые концепты, используя речь: числительные и слова для счета, соединяя вместе ядерные репрезентации малых точных и больших приблизительных чисел. Следовательно, концепты натуральных чисел взрослых опираются на три системы: две ядерные системы чисел и речь, что порождает уникальную человеческую способность [Hauser, Spelke, 2004].

Так, даже здоровые взрослые из маленьких сообществ в Танзании (Hanza) и в Бразилии (Piraha) имеют слова только для первых нескольких целых чисел, а затем используют обозначение «много» для всех других количеств. Они не успешны в точном обозначении больших чисел, полагаясь только на две ядерные системы – малую точную и приблизительную большую. Хотя эти люди имеют полноценно развитый экспрессивный язык, объединения двух ядерных систем с речью не происходит [Butterworth, 1999].

Приведенный пример уникальной способности человека к формированию понятия числа и системы счисления указывает на непрерывность развития данной способности, как в эволюции, так и онтогенезе. Ядерные системы точной и приблизительной оценки чисел гомологичны у человека и животных, что означает сходные сущностные основы и непрерывное эволюционное развитие чисто человеческой способности. Уникальность человека в развитии данной способности лежит в системном объединении разных отдельно существующих систем в единую метасистему, что принципиально отличает достижения человека в эволюции.

Исследования восприятия и действия в младенческом возрасте [Сергиенко, 2006] показали, что система когнитивной репрезентации спрятанного объекта и мануального исполнения опираются на разный уровень организации. Для реализации мануальных поисковых действий необходимым является включение релевантных звеньев (контроля позы, настройки руки, интеграции дотягивания и схватывания, зрительного контроля и других) для организации системы выполнения задачи, тогда уровень когнитивной репрезентации позволяет осуществлять перцептивное поисковое решение. Сама задача, став задачей субъекта, выступает как системообразующий фактор организации ее решения. Кажущаяся дискретность на уровне поведения опирается на непрерывность изменений, происходящих в системе организации. Преемственность, непрерывность развития обеспечивается разновременностью, гетерохронностью генеза. Различная длительность, скорость, темп развития разных систем на разных уровнях их становления обусловливают их необходимое адаптивное объединение в такую интеграцию, где высоко развитые системы в сочетании с развивающимися обеспечивают взаимодействие стабильных и динамических звеньев развития. В полной мере это относится и к психическому развитию человека.

Гетерохрония развития и ее конкретные проявления в отдельные периоды жизни оказываются связанными с общей стратегией становления человека как индивида, на что указывал Б.Г.Ананьев. Он говорил, что «личность всегда моложе индивида в одном и том же человеке; история личности или жизненный путь (биография), хотя и отличаются датой рождения, однако начинаются много позже» [Ананьев, 1977, с. 108]. В гетерохронии развития различных систем человека Б.Г.Ананьев видел источник его развития в целом. Внутренние и внешние противоречия при взаимодействии индивида с миром и являются движущей силой развития. На различных этапах системогенеза происходит изменение соотношения внутренних и внешних детерминант развития, что находит свое выражение в своеобразии становления уровней психического развития. Процесс развития, в том числе и психического, можно представить как последовательность системогенезов, предполагающую образование все новых специализированных систем в процессе взаимодействия индивида со средой. При этом осуществляется избирательность к взаимодействию, описанная как предспециализация нейронов [Александров, 2004]. Среда обусловливает активацию ранних генов, предшествующую становлению специализации нейронов. В таком случае очевидно, что вопрос о генетической или средовой детерминации развития является просто некорректным. Коактивация генетических и средовых факторов необходима для любых форм развития, на каком бы уровне, психологическом или физиологическом, мы их ни рассматривали.

Принцип коактивации ярко выражен в метафоре эпигенетического ландшафта: организм представляет собой определенный, индивидуальный рельеф, в котором происходит развитие. Само развитие представлено как путь в одном направлении. На этом пути может не возникать серьезных проблем, но могут случаться и «возмущения» – экстремальные изменения условий. В этом случае путь может быть изменен, деформирован, замедлен или заменен на обходной – но всегда в рамках

индивидуального ландшафта. Если рассматривать индивидуальный ландшафт как индивидуальный геном, определяющий особенности метаболизма нейронов и скорость становления специализаций, а следовательно, обучения [Александров, 2004], то метафора приобретает научный смысл как модель эпигенетического развития, предполагающая непрерывное взаимодействие генетических и средовых факторов на каждом этапе развития.

1.1.2. Непрерывность генетико-средового взаимодействия: модель вероятностного эпигенеза Г.Готтлиба

В одной из последних статей Г.Готтлиб [Gottlieb, 2007] обосновывает метамодель развития, названную моделью вероятностного эпигенеза (ВЭ) (Probabilistic epigenesis), которая формулирует общие принципы процессов онтогенетического и эволюционного развития. Эта модель подчеркивает реципрокность внутри и между уровнями развития (генетическую активность, поведение, физические, социальные, культурные влияния внешнего мира) и генетико-средовые взаимодействия в реализации всех фенотипов. Модель вероятностного эпигенеза контрастирует с идеями предетерминизма, где генетическая активность вызывает созревание определенных структур, которые начинают функционировать: генетическая активность –> структура –> функции. Напротив, ВЭ постулирует бидирекциональные отношения внутри и между уровнями: нейрональные и другие структуры начинают функционировать до их полной зрелости, а их активность (спонтанная или вызванная) играет определяющую роль в процессе развития.

Существуют доказательства, что генетическая активность подвержена влияниям нейрональных, поведенческих и внешних событий. Этим могут быть объяснены неудачи в воспроизведении генетических исследований в психопатологии. Например, обобщая 20 исследований полиморфизма дофаминовых рецепторов как показателя нарушений, Вонг с сотрудниками [Wong, Buckle, Van Tol, 2000] заключили, что не существует ясного доказательства, указывающего на то, что полиформизмы в дофаминовом рецепторе генов связаны с психическим заболеванием или со спецификой фенотипа. Следствием данной спутанной картины может быть утверждение, что дофаминные рецепторы – только один из компонентов в потоке нейротрансмиттеров рецепторных систем, которые влияют на поведение генов, контролируя нейрональное развитие, связанность, нейрональную реактивность и симпатическую пластичность.

Модель ВЭ развития предполагает, что индивиды с тем же фенотипом могут иметь разные нейрональные и поведенческие проявления в силу диссимиляции релевантного жизненного опыта. Так, например, низкий уровень серотонина связан с депрессией, алкогольной зависимостью, агрессивным поведением. Исследования Беннетта с коллегами [Bennett et al., 2002] на обезьянах с известным полиморфизмом (длинный и короткий аллели) и эффективности серотонинового транспортного гена (5-HTT) показали, что сниженный серотонин наблюдался у обезьян и с короткими, и длинными аллелями, которые были выращены в разлуке с матерью среди сверстников. Следовательно, эффективность серотонина была сцеплена не столько с коротким аллелем, связанным с низкой эффективностью гена, но и средовыми условиями. Полученные эти и другие подобные результаты объясняют разногласия в литературе, описывающей попытки найти генетические маркеры гиперактивности, депресии, агрессии, связанные с вариациями серотонинового транспортного гена.

Необходимость учета коактивации генотипа и среды в строгих исследованиях была подтверждена в работе К.Худ [Hood, 2005]. В работе были отобраны линии мышей с высокой и низкой агрессией. После пяти генераций половина мышей каждой линии помещалась или в социальную изоляцию, либо в группу животных. Оказалось, что в условиях изоляции число агрессивных атак у мышей двух линий было существенно различным, тогда как при социальных условиях (в группе) различий не наблюдалось. Интересно, что после 34 генераций агрессивное поведение высокоагрессивной линии было не менее зависимо от условий среды. Г.Готтлиб заключает, что развитие – это всегда ковариация генетического и средового, где индивидуальный онтогенез должен стать приоритетным.

Безусловно, модель ВЭ Г.Готтлиба, во-первых, соответствует идеям эпигенетического ландшафта Уодингтона, описанным выше. Однако именно эта модель заостряет вопрос о корректности поиска генетических предикторов психического развития. Во-вторых, в данной модели подчеркивается значение и роль принципа неопределенности в развитии уникальности индивидуального опыта. В-третьих, в модели подчеркивается непрерывность генетико-средового взаимодействия, определяющая непрерывность как нейронального, так и поведенческого развития.

2. Принцип антиципации

Принцип антиципации тесно связан с принципом непрерывности психического развития и предполагает необходимую подготовленность последующих стадий развития предыдущими.

Вся эволюция живого подготовила появление феномена человека. Она включена в историю развития собственно человеческой жизни. Эволюционно обусловлена врожденная избирательность младенца к человеческому лицу, человеческой речи, его потребность в общении и контекстуальный тип познания – то есть избирательность к тем характеристикам окружающего мира, которые традиционно считались результатом формирования человеческих свойств в деятельности. Данные способности возникают на предыдущих ступенях эволюции, подготавливая, антиципируя их дальнейшее развитие на более высоких уровнях. Так, на уровне высших животных показана избирательность к экологически валидным характеристикам [Rools, 1984; Панов, 1987]. Исследования на обезьянах показали, что они предпочитают человеческое лицо другим изображениям [Rools, 1984]. У животных имеется предрасположенность к восприятию речевых звуков. Некоторые исследователи полагают, что репертуар речевых звуков прошел первоначальный отбор в процессе эволюции, поэтому он так идеально соответствует слуховой системе человека [Вартанян, 1987; Панов, 1987; Eimas, 1981]. Чтобы требование эффективности и надежности передачи информации не нарушилось, увеличение репертуара звуков, издаваемых животными, должно идти по пути генерации звуков, представляющих континуум и изменяющихся по одному или двум параметрам. Именно поэтому континуальность или градуальность звуковых сигналов животных (приматов) является основой для развития речи человека [Константинов, Мовчан, 1987].

По данным этологов, слуховые и зрительные коммуникации животных представляют собой континуальные процессы. Целостность группы животных и согласованность действий составляющих ее особей поддерживается за счет непрерывных взаимонаблюдений. Исследования показали, что в зависимости от требований экологической среды обитания слуховая система животных проходит частотную настройку, в которой главную роль играют акустические свойства среды обитания и в первую очередь звуковой фон. Так, высокочастотный слух возникает у млекопитающих как эволюционно выработанная компенсация утраченного зрительного восприятия в условиях ограниченного видения; низкочастотный слух формируется у животных, ведущих подземный образ жизни. Таким образом, в процессе эволюции складываются системы восприятия, для которых характерны континуальный и контекстуальный типы функционирования, необходимые для животных.

Аналогичную закономерность можно продемонстрировать и в отношении общения. Знаменитые опыты Дж. И Р.Харлоу на обезьянах, выращенных либо в среде сверстников, либо с матерью-суррогатом, показали, что обезьяны обеих групп были
драчливы и редко давали потомство. Даже если воспитанные в таких условиях самки имели потомство, они оказывались плохими матерями: били своих детенышей, не обращали на них внимания, в отличие от нормально выращенных самок. Эти исследования демонстрируют, что еще на уровне животных возникает необходимость общения детей с родителями для нормального развития поведения, то есть общение является экологически валидным фактором развития, возникшим в ходе эволюции. Можно привести еще множество примеров и доказательств

антиципирующего характера развития в филогенезе. Все это, конечно, не означает, что развитие идет только по линии прогресса.

2.1. Регресс как антиципирующее развитие

Возможны регрессивные и тупиковые линии развития, однако эти типы развития не есть проявления деградации. Регрессивное развитие существенно отличается от прогрессивного, но, тем не менее, также представляет собой качественное преобразование системы. Регресс характеризуется таким движением исходных форм, которое приводит к понижению уровня их организации, к сужению функциональных возможностей системы, возрастанию ее специализации, снижению зависимости от частных элементов среды, замедлению темпов ее развития.

Применительно к психологическому развитию человека регресс становится ведущей формой на поздних стадиях индивидуального жизненного пути, когда резкое снижение функциональных возможностей индивида ведет к сужению его временной перспективы, обеднению системы жизненных отношений и сферы интересов при адаптации к ограниченной социальной среде [Анцыферова, Завалишина, Рыбалко, 1988]. Нам представляется, что регрессивные формы развития по всем выделенным критериям (системному, информационному, энергетическому, экологическому) можно рассматривать как подготовительные, антиципирующие, так как они позволяют организму, индивиду, личности адаптироваться в отношениях с миром с учетом инволюции.

Регрессивные формы развития характерны не только для поздних этапов онтогенеза человека, но и наблюдаются как закономерная стадия на протяжении всего периода онтогенеза, когда происходит перестройка системы организации той или иной функции и поведения. Например, поворот головы и/или глаз на звук отмечается уже у новорожденных детей, что свидетельствует об интермодальном взаимодействии слуховой и зрительной систем. Однако в двухмесячном возрасте эта способность резко редуцируется, повороты в сторону звука наблюдаются редко, однако к четырем месяцам зрительно-звуковое взаимодействие начинает функционировать на более высоком уровне организации, обеспечивая точную пространственную ориентацию головы и глаз младенца на звучащий объект. Подобный U-образный характер развития отмечается во многих видах поведения (имитации, произнесении фонем и других видах активности).

Ярким примером регресса психического развития в онтогенезе является ранний подростковый возраст, связанный с кардинальной перестройкой в организации психических и психофизиологических функций. Подростки 11–14 лет характеризуются дефицитом внимания, произвольности, памяти, снижением самооценки, резким усилением аффективности и другими известными проявлениями, которые относят к видимому регрессу в развитии психических функций. Данный регресс есть свидетельство разрушения старых систем организации психического и становления новых систем, то есть регрессивный характер развития – результат зарождения нового уровня психической организации. Подобные изменения описаны в теории катастроф Рене Тома (R.Thom) и Кристофера Зимана (K.Zeeman), сформулированной в конце 1960-х – начале 1970-х годов («катастрофа» в данном контексте означает резкое качественное изменение объекта при плавном количественном изменении параметров, от которых он зависит). В данной теории реорганизация системы, введение новых элементов сначала приводят к падению эффективности функционирования, а затем к ее росту и усилению устойчивости.

Следовательно, в данном отношении регресс – закономерный этап в развитии человека, носящий временный характер. Однако фазы регресса необходимо отличать от регрессивного развития, которое не только необратимо, но и ведет к снижению уровня функционирования и организации поведения. Такие регрессивные формы развития наблюдаются при манифестации генетических заболеваний (например, аутизме или шизофрении) и описаны в клинической психологии. Разведение и критериальное различение регресса как фазы развития и регресса как

патологического процесса становится значимой задачей для психологии. Для нашей темы важно то, что регресс сам по себе также является маркером будущих изменений, то есть антиципирующим признаком развития.

2.2. Имманентность антиципации в онтогенезе

В цикле работ по изучению развития антиципации в раннем онтогенезе человека [Сергиенко, 1992, 2006] было показано, что антиципация – не только атрибут деятельности человека, а более универсальное, имманентное свойство психической организации человека и эволюции форм психической организации. Феномены антиципации рассматриваются не только как пространственно-временные эффекты упреждающих действий, но и эффекты избирательности. Можно предположить, что избирательность – результат прототипического механизма, эволюционно подготовленного, тогда как пространственно-временное опережение событий отражает модально-специфический механизм кодирования и ментального хранения. Показано, что континуальность является базовой характеристикой ментальной организации человека, определяющей эффекты антиципации как в микро-, так и макрогенезе. Здесь мы видим единство и взаимосвязанность принципа антиципации и непрерывности.

Данные результаты хорошо согласуются с представлениями о тесной неразрывной связи перцептивных и мыслительных процессов, которые не реализуются последовательно, а представлены в едином процессе когнитивного анализа. Еще несколько десятилетий назад многие положения о познании человеком реальности казались устоявшимися и незыблемыми в психологии. Робкие попытки отойти от традиционных схем воспринимались остро и даже болезненно. Как можно было описать последовательность получения человеком знаний о мире? Человек сначала получает некоторые ощущения при взаимодействии с миром, затем эти ощущения преобразуются в восприятие объекта или события, в результате чего мы получаем чувственный образ, который может стать представлением и, наконец, понятием – то есть полноценным знанием об отдельных аспектах мира. Подобная схема познавательного процесса отрывала и разобщала процессы ощущения и восприятия и процессы мышления, более того, делала абсолютно необъяснимыми процессы выбора объектов, их субъективного преобразования и описания.

Наши исследования функционирования антиципирующих схем в ранний период младенчества и данные о развитии интермодального взаимодействия в условиях ранней зрительной депривации показывают, что существует изначальная интеграция восприятия и действия, предполагающая возможности репрезентации [Сергиенко, 2006]. Восприятие и действие, как неразрывные звенья любого взаимодействия, совершенствуясь, развивают представление, которое имеет врожденную основу. Эта основа может быть обозначена как сердцевина, или ядро знания, или как «антиципирующая схема» (ядерная система). Составной элемент «антиципирующей схемы» – представленность (репрезентация) внешнего мира, которая направляет восприятие и организует действие, а это, в свою очередь, развивает, изменяет и дополняет первоначальное базовое понятие. Приведенные доказательства и аргументы говорят в пользу базовой, очень ранней основы житейского понятия, которым оперирует взрослый, и отрицают не только тезис о неизменности понятий, но и тезис о чисто культурной специфичности понятия.

Подобные представления перекликаются с идеей спонтанности мышления И.Канта. В основе спонтанности мышления лежит способность к воображению (в основе которого – репрезентации, выражаясь современным языком). Рассудок, благодаря воображению, помимо контроля сознания создает свои понятия. Созидательная деятельность воображения обусловлена готовыми конструкциями (категориями) и эмпирическим материалом. Категории имеют схемы. Схемы же являются продуктом воображения. Априорные знания, по Канту, отличаются от врожденных идей Платона. Априорны только формы (или принципы организации, в современной интерпретации), содержание же целиком зависит от опыта. Существуют две априорные доопытные формы: пространство и время. Синтезирующая деятельность познания начинается уже на уровне чувства

(сравните с гипотезой о категориальности восприятия Дж.Брунера, Р.Грегори). Здесь происходит троякий синтез: схватывание представлений, сведение многообразного содержания созерцания в единый образ, далее – репродукция представлений в памяти и, наконец, апперцепция – узнавание, установление тождества представлений с явлением. Этот троякий синтез осуществляется на основе воображения. Категории проникают в чувства, делая их осмысленными. Категории априорны, но не врожденны. Они создаются сами по себе в ходе эпигенеза чистого разума.

Приведенные философские взгляды Канта, несмотря на их спорность, вызывают прямые ассоциации с современными представлениями о необходимости включения в восприятие антиципирующих схем, предполагающих избирательность и упорядочивание взаимодействия, современными представлениями о саморазвитии, в том числе и мышления, где внутренние механизмы развития – это только потенциалы (формы), получающие реализацию (содержание) через опыт в среде, по законам организации среды. Принцип эпигенеза разрешает противоречие в дихотомии гены–среда, биологическое–социальное, врожденное–приобретенное.

Таким образом, принцип антиципации, предвосхищения становится тем необходимым методологическим принципом психологии развития, без которого понимание и построение теоретических концепций онтогенетического развития, да и развития любой психической функции, интерпретация результатов в их неразрывной, системной связи невозможны. Принцип антиципации тесно переплетается с принципами системности, непрерывности, дополняет и раскрывает их. Обратимся к принципу субъектности в психологии развития.

3. Принцип субъектности

Принцип субъектности в психологии играет важнейшую роль в современной психологии и психологии развития в частности. Радикальные изменения социального устройства российского общества сделали востребованными индивидуальную инициативу и стремления человека, его самостоятельность и ответственность, самоопределение и самореализацию. Эти общественные изменения нашли отражение и в смещении научных приоритетов, в частности – в обращении к категории субъекта.

Субъект – это человек на высшем уровне своей активности, целостности (системности), автономности. На этом уровне человек предельно индивидуализирован, то есть проявляет особенности своей мотивации, способностей, психической организации в целом. Субъект – качественно определенный способ самоорганизации, саморегуляции личности, способ согласования внешних и внутренних условий осуществления деятельности во времени, центр координации всех психических процессов, состояний, свойств, а также способностей, возможностей и ограничений личности по отношению к объективным и субъективным целям, притязаниям и задачам жизнедеятельности. Целостность, единство, интегративность субъекта являются основой системности его психических качеств [Брушлинский, 1999, 2002, 2003].

В историческом ракурсе субъектный подход в психологии обосновал С.Л.Рубинштейн. Раскрыв принципиальное отличие гуманитарной методологии от естественно-научной, он показал, что специфика гуманитарных наук заключается в их субъектности и ценностной опосредованности знания. Это привело к обоснованию принципа самодеятельности субъекта, предложенного С.Л.Рубинштейном в 1922 г. Преодолев формально-структурный подход к анализу сознания и деятельности, он сформулировал представление о «действующем лице», творящем деятельность, вложив в это понятие значение личности как субъекта собственной активности. В его работе «Человек и мир» [Рубинштейн, 2003] субъект рассматривается не только как носитель активности, но и как источник причинности бытия. Сознание, обеспечивая познание мира субъектом, определяет не только его отражение, но и выражение отношения к нему субъекта – созерцательности. Деятельность преобразует объект в целях субъекта, а созерцание сохраняет и

раскрывает для субъекта его ценность. Утверждая и доказывая единство предметного содержания и переживания, благодаря которому возникает значение объекта и события, С.Л.Рубинштейн помимо *гносеологического* основания субъекта вводит *онтологическое* [Гусельцева, 2007].

Одним из оснований психологии субъекта служит континуально-генетический метод, разработанный А.В.Брушлинским при изучении психологии мышления. Анализ непрерывности процесса мышления, взаимообусловленность всех его этапов, закономерная преемственность предыдущих и последующих стадий развития позволяет не только раскрыть сущностные характеристики мышления как процесса, но и распространить данный принцип анализа на проблемы становления субъектности человека, понимания природы развития субъекта, условий и причин его изменений. Тесное взаимодействие принципа непрерывности и субъектности становится в данном вопросе ведущим.

Последовательное применение континуально-генетического принципа привело к постановке и разработке важнейшего вопроса о критериях становления субъекта. Во-первых, было показано, что при выделении критерия субъекта только как акмеологического [Абульханова, 2005] нарушается этот принцип, что приводит к парадоксальному решению. Если субъектом человек становится только на высших этапах собственной жизни, решая внешние и внутренние противоречия, то возникает два вопроса. Первый: как он приходит к этим высшим уровням своего развития и кем он был до этого? И второй вопрос: даже на высших уровнях своего бытия человек не всегда справляется с возникшими противоречиями, следовательно, перестает быть субъектом. Более того, акмеологический критерий субъектности как вершинных достижений личности означает, что предметом психологии должен стать достаточно ограниченный период в жизни человека, ограниченный круг его феноменов. При этом мы можем потерять истоки причин, условий, детерминант, возможности или невозможности достижения человеком этих вершинных уровней. Тогда многие аспекты психологии человека останутся вне предмета психологии. Кроме того, акмеологический критерий субъекта фактически ставит вопрос о самодостаточности категории субъекта для психологии, поскольку он обозначает только высшие достижения личности. Так, В.П.Зинченко считает, что в тройке психологических понятий «человек – личность – субъект» именно субъект является третьим лишним.

Во всем многообразии понимания субъекта в отечественной психологии можно выделить два противоположных подхода, что связано с представлениями о критериях субъектности. Один подход – акмеологический. Субъект – вершина развития личности. Следует признать, что большинство отечественных психологов придерживаются данного подхода (К.А.Абульханова, А.Г.Асмолов, В.В.Знаков, В.А.Петровский, З.И.Рябикина, Г.В.Залевский и многие другие). Второй подход – эволюционный, в котором полагается постепенное развитие человека как субъекта (Л.И.Божович, А.Л.Журавлев, В.Н.Слободчиков, В.В.Селиванов, Е.А.Сергиенко, Т.П.Скрипкина, В.А.Татенко, А.Ш.Тхостов).

Противоречия в понимании субъекта, возникшие между двумя научными подходами, разрешаются последовательным применением континуально-генетического принципа к развитию субъектности и объединением субъектно-деятельностного и системного подходов в единый системно-субъектный подход (подробнее см. [Сергиенко, 2011]). Представляется, что именно изучение развития системной организации субъекта, его эволюции в онтогенезе, детерминант его развития позволит перейти к еще более интегративному, целостному анализу психики человека.

На основании системно-субъектного подхода, применяя континуально-генетический принцип, было предложено решение вопроса о критериях субъектности, которые могут быть только *уровневыми*. Подобное решение позволяет представить развитие субъекта как непрерывный процесс становления разных его уровней, где на каждом сохраняется целостность, уникальная индивидуальность, избирательность субъекта и его активность в отношении с миром. Уровневый критерий субъекта позволяет связать разные представления о субъекте в едином континууме развития. Представления разных авторов отражают разные уровни становления субъектности человека от самых ранних,

эволюционно подготовленных, к специфически человеческим и вершинным уровням.

3.1. Субъектогенез

Принцип развития как наиболее перспективный для раскрытия сущности психических образований применялся в отношении к субъекту и отечественными учеными. Топологическая и генетическая модель субъектности представлена в работах А.Ш.Тхостова [Тхостов, 2002], А.Ш.Тхостова и И.В.Журавлева [Тхостов, Журавлев, 2003]. В топологической модели субъектность обособляется как граница напряжения в континууме субъект-объект. Авторы полагают, что «в фило- и онтогенезе существуют стадии отсутствия дифференциации Субъект-Объект и подобная поляризация возникает на поздних этапах эволюции. Ребенок на ранних стадиях онтогенеза не обладает развитой способностью дифференцировать себя, собственные мысли или чувства и вещи окружающего мира» [Тхостов, Журавлев, 2003, с. 10]. При этом расчленение Субъекта и Объекта происходит при становлении произвольности. Диалектика субъектности состоит в объединении топологической и генетической моделей, что означает движение к произвольному овладению.

В работе В.В.Селиванова предложен генезис психического как развитие субъекта. Выделяя стадии развития, автор указывает на двадцать два критериальных свойства: носитель активности, источник познания, наличие сознания, саморазвитие, целостность, единство, интегральность, способность к саморегуляции и творчеству, наличие личной истории, жизненного пути и т.д.

В картине становления субъектности В.И.Слободчикова, Е.И.Исаева [Слободчиков, Исаев, 2002] также скорее представлены некоторые аспекты развития личности, без дифференциации того, что же данная ступень развития личности дает в развитии субъектности, в чем состоят эти особенности. Однако в классификации В.И.Слободчикова существует внутреннее основание – постепенное становление способности быть автором собственной жизни, что проявляется в разноуровневых возможностях взаимодействия с различными социальными партнерами.

Наиболее логичными нам представляются идеи Л.И.Божович, раскрывающие процесс формирования личности как становление субъекта [Божович, 2008]. Глубокое обобщение и анализ ее работ дан в статье Н.Н.Толстых [Толстых, 2008]. Основным критерием субъектности полагается «внутренняя свобода», раскрывается путь к ней и степень ее представленности в период от рождения до подросткового возраста через возникновение личностных новообразований. Подробное осуждение и критика данных концепций представлена в работе Е.А.Сергиенко [Сергиенко, 2009].

Концепция субъектогенеза В.А.Татенко [1998] носит, безусловно, континуально-генетический характер и во многих положениях согласуется с нашими предположениями. В его представлении субъект – реально существующее образование на всем протяжении развития человека. Он указывает, что необходимо говорить не о возникновении субъектности в каком-то возрасте, а о генетических уровнях и этапах субъектности. На каждом этапе онтогенеза индивид выступает как целостный субъект психической активности определенного уровня развития (сначала бессознательного, а затем все более осознанного). Субъект всегда находится в состоянии саморазвития, самосовершенствования. Он выделяет интуиции субъектного ядра, как движущие силы развития человека как субъекта с присущими им механизмами психической активности и доминирующими психическими функциями (например, для новорожденного – внимание, детей раннего возраста – память, для подростков – речь). Различия концепции В.А.Татенко и нашей лежат в понимании структуры, функций субъекта, в соотношении категорий субъект–личность. Он отмечает, что «личностное следует выводить из субъектного как сущностного, а не наоборот» [Татенко, 1998, с. 230].

В работе Т.П.Скрипкиной и Е.П.Крищенко [Скрипкина, Крищенко, 2010] доверие рассматривается как фактор развития субъектности в онтогенезе. Рассматривая континуум доверия к себе – доверие к миру, авторы выделяют формальные показатели доверия: меру, избирательность и

парциальность, которые становятся предикторами самоорганизации субъекта на разных уровнях его развития. Авторы продемонстрировали дефицит доверия к себе и миру у детей с семейной депривацией на разных стадиях личностного развития [Скрипкина, Крищенко, 2010].

3.2. Соотношение категорий «субъект» и «личность»

Концептуальное решение данного вопроса с позиций системно-субъектного подхода состоит в том, что мы полагаем ипостаси личности и субъекта тесно взаимосвязанными, но отличными образованиями. Личность – это стрежневая структура субъекта, задающая общее направление самоорганизации и саморазвития. Метафорически это соотношение можно представить в виде командного и исполнительного звеньев. Личность задает направление движения, а субъект – его конкретную реализацию через координацию выбора целей и ресурсов индивидуальности человека. Тогда носителем содержания внутреннего мира человека будет выступать личность, а реализацией в данных жизненных обстоятельствах, условиях, задачах – субъект. В этом случае человек будет осуществлять зрелые формы поведения в зависимости от степени согласованности в развитии континуума субъект–личность. Это означает, что человек стремится сохранить свою целостность как субъекта и личности, следовательно, делать то, что соответствует его жизненным смыслам и в соответствии с собственной субъектностью, то есть в соответствии со своей интегративной уникальностью (где все образует единую систему: вся история развития субъекта, гетерархия уровневой организации).

Психологическая зрелость – это, прежде всего, континуум согласования задач личности и интегративных возможностей индивидуального субъекта. Предложенное гипотетическое решение вопроса о соотношении категорий «субъект» и «личность» вбирает в себя положения Л.И.Анцыферовой и Б.Г.Ананьева. Кратко картина генезиса становления континуума субъект–личность представляется следующей.

Одной из важнейших начальных задач в развитии ядра личности выступает выделение себя из среды. В самом начале жизни человек способен получать информацию (например, через оптический поток), которая прямо специфицирует его непосредственное положение и его изменения в среде. Можно предположить, что первым представлением о себе является Экологическое Я – это Я, воспринимаемое относительно физического окружения. Экологическое Я образуется спонтанно с самого рождения и активно функционирует как составная часть Я-концепции на протяжении всей жизни, изменяясь и развиваясь.

Второй начальной важнейшей задачей в развитии Я-концепции является установление эквивалентности Я – Другой. Этот тип представлений о себе может быть обозначен как Я-интерперсональное. Я-интерперсональное появляется также у самых маленьких младенцев и специфицируется видоспецифическими сигналами о взаимоотношениях: Я – индивид, который участвует в человеческих обменах. В эту праформу Я-интерперсонального не входят культурные установки и тонкие аспекты интерперсональных отношений. Такой тип представлений также складывается непосредственно. В человеческой жизни люди часто взаимодействуют лицом к лицу – средствами, присущими человеческому виду. Эти взаимодействия встречаются на разных уровнях человеческой интимности, включая телесные контакты или без них. Характерные средства взаимодействия включают обмен взглядами, жестами или ответными вокализациями, эмоциональными состояниями.

Все эти виды взаимодействия воспринимаются непосредственно и не требуют специальной осознанной интерпретации. Это арсенал невербальной коммуникации, на которой строятся интерсубъективные циклы взаимодействия. Интерперсональное восприятие функционирует от рождения. Два типа ранних форм структуры Я, экологическое и интерперсональное, являются двумя аспектами взаимодействия с миром. Я-экологическое специфицирует описание системы Я – физический мир, Я-интерперсональное – системы Я – социальный мир. Развитие этих личностных

образований направляет становление первичных уровней протосубъектности: «первичной» и вторичной протосубъектности. Эти два аспекта ядра личности на первом году жизни могут развиваться относительно независимо, что дает возможность только выделить себя из окружения (физической и социальной среды). Это протоуровень становления «первичной субъектности» (на втором месяце жизни). Однако взаимодействие Я-экологического и Я-интерперсонального необходимо для возникновения следующего уровня протосубъектности «вторичной интерсубъектности» (9–12 месяцев), который предполагает «треугольные отношения», включающие и объект, и индивида. Дети начинают испытывать общие психические состояния со взрослым по отношению к объекту или событию. Это путь к пониманию дифференцированной интенциональности.

Наличие интерсубъективных отношений позволяет установить тождество: Я – Другой. Образующей становления биполярной шкалы «Я – Другой» служит репрезентационная система, возможная благодаря врожденным механизмам амодального восприятия и интерсенсорного взаимодействия. Таким образом, базовая концепция физического и социального мира свидетельствует об активности, интегративности, социальности человека как субъекта, что позволяет предположить, что истоки субъектности следует искать на самых ранних этапах развития человека. Но из этого не следует, что субъектом рождаются. Субъектом становятся. Этот процесс можно представить как становление определенных уровней развития субъектности, которые организованы гетерархично.

В представлениях об основах становлении первичных уровней субъектности все не сводится к когнитивному выделению себя из окружения. Однако мы настаиваем на единстве когнитивного и аффективного, что означает, что, выделяя себя из мира вещей и мира людей, младенец начинает относить к себе или другим свои и репрезентации и эмоциональные состояния, которые он регулирует на доступном ему уровне при взаимодействии и с объектами, и с людьми. О возможностях подстройки эмоциональных состояний ребенка и взрослого (интенсивности, количества, взаимовлияний) свидетельствуют, например, работы К.Тревартена [Trevarthen ,1979], Д.Штерна [Stern,1985], Ф.Роша и Т.Стриано [Rochat, Striano 1999], группы под руководством Р.Ж.Мухамедрахимова [Эмоции и отношения человека …, 2007]. Поэтому интеграции Я-экологического и Я-интерперсонального в единую систему и составляет основу перехода на новый уровень «вторичной протосубъектности».

Дальнейшая разработка представлений об уровнях становления субъектности связана с выделением функций субъекта, которое было предложено нами в поисках дифференциации образований личности и субъекта. Мы полагаем, что в качестве *когнитивной функции* по отношению к субъектности является понимание, коммуникативной функции – континуум субъект-субъектных и субъект-объектных взаимодействий, в качестве регулятивной функции – контроль поведения и самопроизвольность [Сергиенко, 2007]. Контроль поведения рассматривается нами как интегративная характеристика, включающая когнитивный контроль, эмоциональную регуляцию и контроль действий (произвольность). Выделяя функции субъекта, мы надеемся не только уточнить критерии субъектности, дифференцировать структуры личности и субъекта, но и полнее представить картину уровневого развития субъекта.

В настоящее время изучение когнитивной функции субъекта позволило выделить уровни развития субъекта в дошкольном возрасте, опираясь не только на теоретические разработки, но и достаточно объемный экспериментальный материал [Сергиенко и др., 2010; Лебедева, 2003; Герасимова, Сергиенко, 2005; Прусакова, Сергиенко, 2006]. В рамках изучения модели психического как ментальной основы понимания мнений, желаний, намерений своих и других людей [подробнее см. Сергиенко и др., 2009] были проведены исследования понимания эмоций, намерений, обмана. На их основе выделены еще два уровня развития субъектности в дошкольном возрасте: агента (недифференцирующее понимание психического – своего и Другого) и наивного субъекта (дифференциация собственного понимания психического и Другого и понимание возможностей его изменений).

Перспективы в разработке уровней развития субъекта мы видим в изучении и исследовании становления функций субъекта на разных этапах онтогенезе человека, охватывающих разные периоды от рождения до старости. Такая объемная задача требует серьезных исследовательских усилий, которые и реализуются в рамках работ лаборатории психологии развития Института психологии РАН. Так, лонгитюдное исследование контроля поведения у детей от 4 до 42 месяцев, проводимое Г.А.Виленской [Виленская, Сергиенко, 1999], показало гетерохронность в развитии его субсистем, когда раньше всего складывается контроль действий (около 8 месяцев), затем эмоциональный и когнитивный контроль. Опережающее становление контроля действий, опирающееся на внутренние цели, возможности и состояния, согласуется с представлениями Л.И.Божович о первом шаге на пути к развитию субъектности.

В диссертационных работах Т.С.Миковой и Н.И.Колесниковой, выполненных под руководством автора, удалось показать взаимосвязь и взаимодействие функций субъекта (контроля поведения – регулятивной функции, и модели психического, когнитивной функции) с ценностно-смысловыми образованиями личности у взрослых [Микова, 2012; Колесникова, 2012], при этом согласованность и высокий уровень развития когнитивной и регулятивной функций сопряжены с ценностями саморазвития, согласованностью субъектно-личностных характеристик, что ведет к более зрелым формам поведения.

Смысл подробного анализа развития субъектности состоит в том, что обоснование принципа субъектности в психологии развития потребовало аргументации его применимости к разным феноменам и процессам психического развития. Второй важный смысл нашего рассмотрения состоял в демонстрации необходимости изучения и учета развития человека как субъекта, чья избирательность, выбор внешних воздействий и взаимодействий, указывает на его индивидуальность с самого начала жизни. Третий смысл рассмотрения субъектогенеза – это демонстрация тесного переплетения принципа субъектности, непрерывности и антиципации в анализе феноменов развития человека. Мы также обнаруживаем тесное переплетение принципа субъектности с принципом неопределенности «авторство психической активности», принципом системности, который продемонстрирован через анализ субъекта как системы всех способностей, свойств, активностей, где субъект является системообразующим фактором. Тесную взаимосвязь принципов субъектности и антиципации можно обнаружить в последовательности и предвосхищающем характере уровней субъектного развития, в возможности антиципации внешних воздействий и взаимодействий в зависимости от уровня субъектного развития.

Заключение

Рассмотренные принципы психологии развития: принципы непрерывности, антиципации и субъектности взамосвязаны не только между собой, но и с принципами неопределенности, системности и развития. Подобное расширение методологических принципов в психологии, и в частности психологии развития, отвечает современному этапу психологической науки и способствует, на наш взгляд, целостному изучению человека.

Литература

Абульханова К.А. Принцип субъекта в отечественной психологии // Психология. 2005. No. 2(4). С. 3–22.

Александров Ю.И. Научение и память: системная перспектива // Вторые Симоновские чтения. М.: Изд-во РАН, 2004. С. 3–51.

Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды / под ред. А.А.Бодалева. М.: МОДЭК, 1996.

Анцыферова Л.И. Развитие личности и проблемы геронтологии. М.: ИП РАН, 2006.

Анцыферова Л.И., Завалишина Д.Н., Рыбалко Е.Ф. Категория развития в психологии // Категории материалистической диалектики в психологии. М.: Наука, 1988. С. 9–36.

Асмолов А.Г. Психология личности. М.: Изд-во Моск. ун-та,1990.

Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2008.

Брушлинский А.В. Психология субъекта и его деятельности // Современная психология / под ред. В.Н.Дружинина. М.: Инфра-М, 1999. С. 330–346.

Брушлинский А.В. О критериях субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / под ред. А.В.Брушлинского. М.: ИП РАН, 2002. С. 9–33.

Брушлинский А.В. Психология субъекта. СПб.: Алетейя, 2003.

Вартанян И.А. Проблемы регуляции акустического поведения // Физиология поведения: Нейробиологические закономерности. Ленинград: Наука, 1987. С. 428–444.

Гусельцева М.С. Культурная психология: методология, история, перспективы. М.: Прометей, 2007.

Журавлев И.В., Тхостов А.Ш. Субъектность как граница: топологическая и генетические модели // Психологический журнал. 2003. Т. 24(3). С. 5–12.

Колесникова Н.И. Развитие модели психического в период юности и зрелости: дис. … канд. психол. наук. М., 2012.

Корнилова Т.В., Смирнов С.Д. Методологические основы психологии. М.: Юрайт, 2011.

Корнилова Т.В., Чумакова М.А., Корнилов С.А., Новикова М.А. Психология неопределенности. Единство интеллектуально-личностного потенциала человека. М.: Смысл, 2010.

Микова Т.С. Субъектные и личностные характеристики женщин с травматичным опытом искусственного прерывания беременности: дис. … канд. психол. наук. М., 2012.

Мухамедрахимов Р.Ж. (Ред.). Эмоции и отношения человека на ранних этапах развития. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008.

Панов Е.Н. Зрительное общение животных // Физиология поведения: нейробиологические закономерности. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1987. С. 444–486.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М.: Педагогика, 1989.

Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.

Селиванов В.В. Свойства субъекта и его жизненный цикл // Психология индивидуального и группового субъекта / под ред. А.В.Брушлинского. М.: ИП РАН, 2002. С. 310–328.

Сергиенко Е.А. Антиципация в раннем онтогенезе человека. М.: Наука, 1992.

Сергиенко Е.А. Раннее когнитивное развитие: новый взгляд. М.: ИП РАН, 2006.

Сергиенко Е.А. Системно-субъектный подход: обоснование и перспектива // Психологический журнал. 2011. Т. 32(1). С. 120–132.

Сергиенко Е.А., Виленская Г.А., Ковалева Ю.В. Контроль поведения как субъектная регуляция. М.: ИП РАН, 2010.

Сергиенко Е.А., Лебедева Е.И., Прусакова О.А. Модель психического как основа понимания себя и другого в онтогенезе человека М.: ИП РАН, 2009.

Скрипкина Т.П., Крищенко Е.П. Доверие как фактор субъектности в онтогенезе. М.: ЮФУ, 2010.

Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология человека: введение в психологию субъектности. М.: Школа-Пресс, 1995.

Татенко В.А. Личность в субъектном измерении. Киев: Просвита, 1998.

Толстых Н.Н. Формирование личности как становление субъекта развития // Вопросы психологии, 2008. No. 5. С. 134–140.

Тхостов А.Ш. Психология телесности. М.: Смысл, 2002.

Bennett A.J., Lesch K.P., Long J., Shoaf S.E., Champoux M., Suomi S.J., Lioila M., Higley I.D. Early experience and serotonin transporter gene variation interact to influence primate CNS function // Molecular Psychiatry. 2002. Vol. 7(1). P. 118–122.

Butterworth G. What counts: How every brain is hardwired for math. New York: Free Press, 1999.

Doupe A.J., Kuhl P. Birdsong and human speech: common themes and mechanisms // Annual Review of Neuroscience. 1999. Vol. 22(1). P. 567–631.

Eimas P.D. Infants' speech and language // Cognition. 1981. Vol. 10(1/3). P. 79–84.

*Feigenson L., Dehaene S., Spelke E.S.*Core systems of number // Trends in Cognitive Sciences. 2004. Vol. 8(10). P. 307–314.

Gottlieb G. Probabilistic epigenesist // Developmental Science. 2007. Vol. 10(1). P. 1–11.

Gross C.G., Sergent J. Face recognition // Current Opinion in Neurobiology. 1992. Vol. 2(2). P. 156–161.

Hauser M.D. Evolution of Communication. Cambridge: MIT, 1996.

Hauser M.D., Spelke E. Evolutionary and developmental foundations of human knowledge // M.Gazzaniga (Ed.). The cognitive neurosciences. Cambridge: MIT Press, 2004. Vol. 3, pp. 2–28.

Hood K. Development as a dependent variable: Robert B. Cairns on the psychology of aggression // D.M.Stoff, E.J.Susman (Eds.). Developmental psychobiology of aggression. New York: Cambridge University Press, 2005. pp. 225–251.

Kinzler K.D., Spelke E.S. Core system in human cognition // Progress in Brain research. Amsterdam: Elsevier, 2007. Vol. 164. P. 257–264.

Lipton J.S., Spelke E.S. Discrimination of large and small numerosities by human infants // Infancy. 2004. Vol. 5(3). P. 271–290.

Perrett D.I., Smith A.J., Potter D.D., Mishtlin A.J., Head A.S., Milner A.D., Jeeves M.A. Neurons responsive to faces in temporal cortex: studies of functional organization, sensitivity to identity and relation to perception // Human Neurobiology. 1984. Vol. 3(2). P. 197–208.

Rochat P., Striano T. Social-cognitive development in the first year // P.Rochat (Ed.). Early social cognition: Understanding others in the first month of life. Mahwah, NJ: Erlbaum, 1999. pp. 3–34.

Rolls E.T. Neurons in the cortex of the temporal lobe and in the amygdala of the monkey with responses selective for faces // Human Neurobiology. 1984. Vol. 3(2). P. 209–222.

Rolls E.T. Functions of primate temporal lobe cortical visual areas in invariant visual object and face recognition // Neuron. 2000. Vol. 27(2). P. 205–218.

Stern D.N. The interpersonal world of infant. A view from psychoanalysis and developmental psychology. New York: Basic Books, 1985.

Thelen E., Smith L. Dynamic systems theories // Handbook of child psychology. Vol. 1. Theoretical models of human development. New York: Wiley, 1998. pp. 563–634.

Trevarthen C. Communication and cooperation in early infancy: a description of primary intersubjectivity // M.Bullowa (Ed.). Before Speech: The beginnings of interpersonal communication. Cambridge: Cambridge university press, 1979.

Wong A.H.C., Buckle C.E., Van Tol H.H.M. Polymorphisms in dopamine receptors: what do they tell us? // European Journal of Pharmacology. 2000. Vol. 410(2–3). P. 183–203.

Поступила в редакцию 22 апреля 2012 г. Дата публикации: 20 августа 2012 г.

Сведения об авторе

Сергиенко Елена Алексеевна. Доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией психологии развития, Институт психологии Российской академии наук, ул. Ярославская, д. 13, 129366 Москва, Россия.
E-mail: elenas13@mail.ru

Ссылка для цитирования

Стиль psystudy.ru
Сергиенко Е.А. Принципы психологии развития: современный взгляд. Психологические исследования, 2012, 5(24), 1. http://psystudy.ru. 0421200116/0037.

ГОСТ 2008
Сергиенко Е.А. Принципы психологии развития: современный взгляд // Психологические исследования. 2012. Т. 5, № 24. С. 1. URL: http://psystudy.ru (дата обращения: чч.мм.гггг). 0421200116/0037.

[Последние цифры – номер госрегистрации статьи в Реестре электронных научных изданий ФГУП НТЦ "Информрегистр". Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

К началу страницы >>